

К.Е. Нурмаганбет* , А.С. Демченко , Р.У. Шанаев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

*e-mail: inyaz.kz@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭСТЕТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА (на материале романа А. Жаксылыкова «Поющие камни»)

Эстетика постмодернизма базируется на ряде отличительных особенностей, таких, как феномен игры, тяготение к энтропийному, интертекстуальность, особый тип кооперации с читателем и многие другие. В настоящей статье приведен дескриптивный диахронический анализ становления постмодернистской теории, отрицающей философию целостности и предзаданности. Горизонт читательских ожиданий размывается за счет гибридизации жанровых структур, пастича и многих других целенаправленных приемов. Цель исследования – показать инкрустацию подобных элементов в ткань произведения А. Жаксылыкова «Поющие камни». Авторы говорят об инкрустации не случайно: казахстанский постмодернизм сумел сохранить аутентичные черты казахской литературы, в частности, в работах казахстанских авторов практически не разрушена мифогенность. Тем не менее, отдельные элементы тяготеют к новой эстетике. В частности, как показало наше исследование, это затрагивает типаж литературного героя. Результаты анализа показали, что это сконструированный образ социально-психологической маски и в то же время этногенетический код души. Такая интерпретация исключительно важна для всего романного цикла, тяготеющего к жанру метаромана. Таким образом, как показали результаты исследования, главный герой романа «Поющие камни» Жан, чье имя становится кодовым «ключом» к постижению сути происходящих с героем трансформаций, является биорекогнитивной маской героя более высокого нарративного уровня – Журналиста. Журналисту только предстоит отправиться в духовное странствие, которое будет сопряжено для него с существенными физическими, ментальными и душевными испытаниями, однако часть решений, заложенных в качестве желаемых, им уже осознана на уровне написания собственного творческого произведения – первого романа «Поющие камни». В этом отношении герой метаромана постмодернистского дискурса предстает перед читателем в первую очередь как творящий субъект, собственной волей преобразующий мир.

Ключевые слова: постмодернизм, тип героя, новейшая казахстанская литература, элементы, дискурс.

K.E. Nurmaganbet*, A.S. Demchenko, R.U. Shanayev

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: inyaz.kz@mail.ru

Literary Aesthetics of Postmodernism (based on the novel by A. Zhaksylykov “Singing Stones”)

The aesthetics of postmodernism is based on a number of distinctive features, such as the phenomenon of play, attraction to entropy, intertextuality, a special type of cooperation with the reader and many others. This article provides a descriptive diachronic analysis of the formation of postmodern theory, which denies the philosophy of integrity and predetermination. The horizon of reader expectations is blurred due to the hybridization of genre structures, pastiche and many other targeted techniques. The purpose of the study is to show the inlay of such elements into the fabric of A. Zhaksylykov’s work “Singing Stones”. The authors talk about inlays not by chance: Kazakh postmodernism managed to preserve the authentic features of Kazakh literature, in particular, in the works of Kazakh authors the mythogenicity was practically not destroyed. However, certain elements gravitate toward a new aesthetic. In particular, as our research has shown, this affects the type of literary hero. The results of the analysis showed that this is a constructed image of a socio-psychological mask and at the same time an ethno-genetic code of the soul. This interpretation is extremely important for the entire novel cycle, which gravitates towards the meta-novel genre. Thus, as the results of the study showed, the main character of the novel “The Singing Stones” Jean, whose name becomes a code “key” to understanding the essence of the transformations occurring with the hero, is a bioreconstructive mask of a hero of a higher narrative level – the Journalist. The journalist has just yet to set off on a spiritual journey, which will be associated with significant physical, mental and spiritual tests for him, however, he has already realized some of

the decisions laid down as desirable ones at the level of writing his own creative work – the first novel “Singing Stones”. In this regard, the hero of the meta-novel of post-modernist discourse appears before the reader primarily as a creative subject who transforms the world with his own will.

Key words: postmodernism, type of hero, newest Kazakh literature, elements, discourse.

К.Е. Нурмаганбет*, А.С. Демченко, Р.У. Шанаев

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан

*e-mail: inyaz.kz@mail.ru

Постмодернизмнің әдеби эстетикасы

(А. Жақсылықовтың «Әнші тастар» романы материалы бойынша)

Постмодернизм эстетикасы ойын құбылысы, энтропияға бейімділік, интермәтіндік, оқырманмен бірге ізденістің ерекше түрі сияқты және басқа да көптеген бірқатар ерекше белгілерге негізделген. Мақалада тұтастық пен алдын ала анықтау философиясын жоққа шығаратын постмодерндік теорияның қалыптасуына дескриптивтік диахрондық талдау берілген. Жанрлық құрылымдарды, пастишті және басқа да көптеген мақсатты әдістерді үйлестіру себебінен оқырмандардың үміті күткеніндей емес. Зерттеудің мақсаты – А. Жақсылықовтың «Әнші тастар» көркем шығармасын әсемдеуде осындай ұқсас элементтердің қолданылғанын көрсету. Авторлар безендіру (инкрустация) туралы жәйдан жәй сөз қозғап отырған жоқ: қазақстандық постмодернизм модернизм кезеңінен өтіп, қазақ әдебиетінің өзіне тән шынайы ерекшеліктерін сақтай алды, атап айтқанда, қазақ авторларының шығармаларында мифогенділік сақталды, іс жүзінде жойылған жоқ. Дегенмен, жеке элементтердің жаңа эстетикаға ұмтылысы бар. Әсіресе, біздің зерттеуіміз көрсеткендей, бұл әдеби кейіпкердің түріне әсер етеді. Талдау нәтижелері бұл әлеуметтік-психологиялық масканың құрастырылған бейнесі және сонымен бірге жанның этногенетикалық коды екенін көрсетті. Бұл интерпретация метароман жанрына бейім бүкіл роман циклі үшін өте маңызды. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, «Әнші тастар» романының басты кейіпкері Жанның есімі кейіпкермен болып жатқан өзгерістердің мәнін түсінудің кодтық кілтіне айналады, бұл – жоғары нарративті деңгейдегі журналист кейіпкердің биорекопструктивтік маскасы. Журналист рухани ізденіспен жолға шығуы керек, осы саяхат ол үшін маңызды физикалық, ментальды және рухани сынақтармен байланысты болады. Дегенмен, ол өзі қалайтын шешімдердің кейбірін «Әнші тастар» алғашқы романын өзінің шығармашылық жұмысын жазу кезінде түсінеді. Осыған байланысты постмодерндік дискурсты метароманының кейіпкері оқырманға, ең алдымен, әлемді өз еркімен өзгертетін жасампаз субъект ретінде көрінеді.

Түйін сөздер: постмодернизм, кейіпкер түрі, жаңа қазақ әдебиеті, элементтер, дискурс.

Введение

Принципы постструктуралистской парадигмы с ее диссипативностью, децентрированностью и разнородным внутренним составом не могли не сказаться на формировании новой эстетической реальности, в которой осуществляется текст. В конце 20 века складывается направление постмодернизма: в 60-е годы процессы критического осмысления культурных и философских контекстов активно наращивают потенциал. Окончательную свою дефиницию направление получает в 80-е годы. Его онтологическим базисом становятся фрейдизм, позднее ницшеанство и марксистские идеи. Теоретическая составляющая опирается на труды выдающихся мыслителей того времени: Ф. Лиотара, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийара. Подпитываясь от философии, постмодернизм закономерно отрицает эту философию: происходит манифестация нового *modus videre*, в соответствии с которым им-

манентная и целостная парадигма разрушается как таковая. Плюрализм истин, семиотическая разнородность, отсутствие единого смыслопорождающего центра становятся главными его качественными признаками. Неслучайно метафорой постмодернизма является постнищенская метафора Орфея расчлененного.

Постмодернистский дискурс отталкивается от идеи исчерпанности истории, которой больше нечего предложить мыслящему субъекту. Исходя из этого положения, истина оказывается настолько же исчерпанной, насколько конечна историческая перспектива. Наступает пора полиинтерпретативности множественности истин. Мир за пределами текста перестает восприниматься как реальность, потому что Текст и есть Мир, единственно познаваемый в своем семиотическом поликодовом многообразии. Отсюда тяготение постмодернистского дискурса к интертекстуальности, к бесконечной языковой игре, к самоцитированию, аллюзиям, реминисценциям

и попыткам переконструировать уже знакомые текстуальные фрагменты с тем, чтобы наполнить их новым содержанием. На русской языковой почве появляется новый тип героя – маргинальная личность с расщепленным психологическим «Я», которая, находясь под действием алкогольного опьянения (вспомним героя В. Ерофеева из поэмы «Москва-Петушки») совершает свое великое «путешествие в никуда, наполненное умственными экзерисами, по масштабу напоминающее духовную одиссею. Это могут быть герои, подверженные различным психическим недугам, воздействиям различных веществ, зависимые – так или иначе, они нестабильны, их сознание «распахнуто» принципиально новому потоку сознания, несопоставимому обыденным состояниям. Такие герои не находят себе места в системе классических социальных отношений, даже если поначалу занимают в них достаточно устойчивое положение. Их путь неизбежно ведет либо к катастрофе, либо к трансформации, это, словами О. Абишевой, «полет над бездной», и не каждому герою литературы удастся его преодолеть. В данном случае траектория их пути расслаивается, становится двойственной: она ведет либо к смерти, либо к преображению. Последнее, однако, происходит значительно реже.

Постмодернизм и тектонический сдвиг культуры, им инициированный, не могли не сказаться на литературе. Появляются новые жанры с характерной для них гибридизированной структурой; происходит провозглашение концепции мира как текста и текста как мира; усложняется дискурс художественных произведений с его ориентацией на читателя, а, следовательно, на стратегии кооперации с ним; разрабатывается иной тип героя – носителя расширенного сознания, подверженного абберациям восприятия Внешнего. Показательно то, что постмодернизм западного «извода» особенным образом реализуется в творчестве казахстанских авторов: в отличие от классических образцов американской и европейской литературы, литература казахстанская не утрачивает очевидной связи с реалистической парадигмой и с мифопоэтическими представлениями о мире, ей присущими. Более того, она продолжает стремиться к синтезу в противовес аналитической разорванности целого, что дает нам основания полагать, что тенденции постмодернизма в ней проявлены не более, чем тенденции метамодернизма, диалектичного по своей природе направления.

Материалы и методы

Материалом исследования в настоящей работе является произведение современного казахстанского писателя А. Жаксылыкова «Поющие камни», которое находится на стыке пост- и метамодернистских концепций.

Первый роман пенталогии (к настоящему времени вышла пятая книга цикла, «Возвращение»), увидевший свет в 1988 году как отдельное произведение, в 2000 году вошел в состав трилогии «Сны окаянных». Произведение стало литературным событием. Мурат Мухтарович Ауэзов назвал его «прорывом в будущее». Сложная архитектура, палимпсестная структура, хронотоп со множественными металеписческими перемещениями, субъектный неосенкритизм, интертекстуальные переключки сделали романы цикла актуальными для исследований. О сложной постмодернистской природе цикла пишет С.М. Алтыбаева (Алтыбаева, 2007). О.А. Валикова исследует творчество А. Жаксылыкова не только с точки зрения включенности в контекст классической русской литературы, но и в качестве транслингвального художественного текста, созданного на «перекрестке» языков и культур (Валикова, 2015; Валикова, 2019). В аспекте нарративных стратегий постмодернистского дискурса творчество А. Жаксылыкова изучает А. Джундубаева (Джундубаева, 2015). О символических имен собственных пишет О.К. Абишева (Абишева, 2016).

С целью выявления ключевых особенностей поэтики романа мы используем методы, релевантные поставленной нами задаче: охарактеризовать интерлокацию эстетического, создаваемого автором. Это метод контекстуальной дескрипции и метод герменевтического комментирования. Описание контекста – необходимое условие для устранения смысловых лакун и возможных разночтений. Привлечение герменевтического комментария – основной инструмент работы с текстом, метод экспликации семантических импликаций, заложенных в тексте, и снабжение их пояснительной (герменевтической) «разверткой».

Обзор литературы

Постмодернистская проблематика всегда тяготела не к «вещи в себе» и ее познаваемой природе, и даже не к «вещи» как таковой: в центре

ее проблематики ставился принцип «как это сделано». Проблемы семиотизации, функция знака, наделенного множественностью интерпретаций становятся основными. Мир вокруг – мир на изломе веков, отмеченный печатью «заката цивилизации», требует не трансформации, но деконструкции. Реконструкции же его мешают сами его элементы. На место субъекта приходит объект, дистанцированный от мира – происходит своеобразное отчуждение от позитивной онтологии как таковой. Следовательно, мир невозможно познать, и истина более не имеет значения: происходит провозглашение множественности истин. Из этого положения следует и принцип множественности истин, каждая из которых субъективна. В подобном контексте знание как таковое невозможно. На место знания приходит понимание как индивидуализированный процесс. Систематизация же знания в этом случае бессмысленна, как и таксономическое распределение семиотических элементов: на его место приходит идея констелляции гетерогенных по своей природе концептуальных сфер: происходит взаимоналожение науки и искусства, философии и филологии. Адепты постмодернистской теории настаивают на том, что эмпирика первичнее любой теории, что приводит к признанию дефектитарности такой теории, будь она философской или научной. Это своего рода манифестация постнеклассического рационального с его идеей открытых динамических систем, не способных быть описанными в рамках классического подхода, апеллирующего к платоновским идеям и бинарным оппозициям. Постмодернизм в этом случае становится контрфилософским дискурсом. Более того, философия более не признается Актом текстопорождения, она не может быть интерпретирована с учетом конвенций, существующих в системе языка; более того, она требует и устранения субъекта как такового, трансформируясь в бес-субъектную антифилософию.

Логоцентризм классических философских парадигм разрушается изнутри, так как каждая «вещь» получает статус самостоятельной и выходит за рамки контекста смыслов. Семиотическая однозначность уступает мнение плюралистичности, объективизм замещается субъективизмом, уникальность утрачивается (ее место занимает принцип воспроизводимости). В этих условиях творчество более не воспринимается как создание чего-то принципиально нового. Теперь это игра, открытие уже открытого, цитирование и самоцитирование, так как вся

история человечества осмысливается как конечная, исчерпанная; все ее смыслы уже сказаны, все ценности провозглашены.

Если ранее текст воспринимался как явление, подчиненное принципу изоморфизма, то есть тождественности самому себе, то теперь он ассиметричен и нестабилен. Познающий субъект «растворяется» во внутритекстовой реальности, продолжает «игру в бисер», переконструируя реальность, утратившую черты потенциального дескрибирования. Новые принципы эстетики, свойственной постмодернистскому дискурсу, таковы:

- Мир – это Текст, и Текст – это Мир. Основанием для этого служит тот факт, что субъект познает реальность, зафиксированную на письме.

- метатекст культуры формируется путем взаимодействия языковых личностей, которые сами являются суммой текстов. По мнению постструктуралистов, в частности, Деррида, за пределами текста не существует ничего.

- моносемия образующих текст элементов невозможна: разрывается связь между означаемым и означаемым.

- нивелирование ценностей, а вместе с ними и высокой культуры приводит к потере важности литературной традиции.

- на место литературной традиции приходит интертекстуальность.

- так как в человеческой истории нет замысла, но есть лишь случай, важным принципом построения текстовой реальности становится антиформа.

Постмодернистские образы мира, опирающиеся на эти принципы, утрачивают признаки гуманизма. Человечество есть коллективное «Я», восходящее к бессознательному.

Как мы упоминали выше, постмодернизм опирается на философию постструктурализма, в частности, на идеи Ж. Деррида, продолжающего линию ницшеанства и развивающего концепции М. Хайдеггера, З. Фрейда. По мнению Деррида, философия в привычном рациональном понимании исчерпана. Бытие – это присутствие. В «Грамматике» философ отвергает положение о метафизике смыслов Текста: ключевой метафорой его концепции становится Зазеркалье, за пределами которого происходит искажение и путаница идей и смыслов. В то время как классическая философия становится «заложницей» предзаданных проблематик, деконструкция самой логики языка видится единственным способом прийти к спонтанному мышлению. С этой

точки зрения Текст есть саморазрушающийся феномен.

Следовательно,

- Текст не зависит ни от транслятора информации, ни от воспринимающего сознания адресата, так как является механизмом рассказывания своей собственной истории.

- Текст вступает в противоречие самому себе.

- Полная деконструкция текста, отрицающая собственную метафизику, невозможна.

Так как текст нелинеен, значение его элементов может быть познано лишь с помощью контекстуальной детерминанты. Он может быть понят и интерпретирован при помощи любого другого текста, выступающего по отношению к последнему потенциальной цитатой. Текст есть манипулятивное устройство, а Бытие – это и есть Текст.

Этим идеям созвучны мысли Ж. Бодрийара с его концепцией симуляции, которая предполагает смещение реального и воображаемого. Текст, по мнению последнего, это кентавр знака и тела. Мир нереален, нестабилен, он представляет собой бесконечное количество реплицируемых моделей, а значит, сама человеческая культура подвержена деградации, а развитие мира невозможно по определению. Мир – это не гармония, но хаос, в котором пространственно-временные параметры и каузальность утрачены, они переходят на уровень гиперреальности (Бодрийар, 2015).

В работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари продолжается разрушение основ европейского рационализма. Мир есть функционирование бессознательного. Шизодинамический метод, разрушающий целостное «Я», знаки манифестации непринадлежности к конкретной территории также формируют основу литературного постмодернизма (Делез, Гваттари, 2005).

По Делезу, всякая мысль может быть реализована в акте художественного творчества. Постмодернизм, в отсутствие собственной культурной доминанты, формирует новое мышление и входит в контекст модерна, следовательно, он имеет свои праформы от античности до современности. Децентрированность современной культуры, ее ризоматичность позволяют рассматривать ее как карту мира.

Казахстанский постмодернизм развивался по собственным законам. Главное его отличие от постмодернизма европейского и даже русского состоит в том, что он миновал собственно эпоху модернизма. С одной стороны, казахстан-

ский постмодернизм смог преодолеть авторское присутствие. Более того, он приспособил к своим целям чувственное восприятие мира.

На постсоветском литературном пространстве формируется новый тип героя – симулякр сверхчеловека. М. Липовецкий отмечает также такие характеристики, как инфляция базовых ценностей, упразднение мифов и верований, размывание границ (Липовецкий, 1997). Особенность казахстанского постмодернизма состоит в том, что последнего (упразднение мифов и верований) в казахстанском постмодернизме интенсивно не проявляется. Однако отдельные черты постмодернистской эстетики в произведениях новейшего времени отражены.

Хаос, распад мироздания, скрещенье реального и ирреального, упразднение бинарных оппозиций, мутация жанров, интертекстуальность по-прежнему остаются чертами постмодернистской литературы Казахстана. Интертекстуальность в этом случае занимает особое место: эхокамера текста позволяет автору переосмыслить весь метатекст культуры в совокупности его элементов.

Для постмодернистской эстетики характерны

- фрагментация текста как стратегия игры;
- отказ от единой истины;
- пародия и постирония;

По мнению Л. Хатчеон, отличительные особенности постмодернистской эстетики – игра, черный юмор, пастиш. Интертекстуальность знаменует идею децентрированной Вселенной. Происходят структурные и временные искажения текста (Hutcheon, 1988).

М. Липовецкий также отмечает диалог с Хаосом; культурогенность, семионтологизм (Липовецкий, 1997). Исследователь С. Сулейман размышляет о генезисе постмодернистской эстетики, зародившейся в процессе онтологической деконструкции (Suleiman, 1986). Наиболее полное собрание статей о постмодернизме собрано в работе *The Routledge Companion to Postmodernism*. Это коллекция исследований философов, культурологов, эссеистов, сосредоточенная вокруг постмодернистской проблематики (Sim, 2011).

Несмотря на то, что современная креативная парадигма преодолевает постмодернистское мышление, знаменуя переход к метамодернизму, Х. Демеер и С. Витсе настаивают на том, что онтологическая доминанта постмодернизма еще не преодолена (Demeyer, Vitse, 2021). С ними со-

лидарен Дж. Грин, отмечающий, что постмодернизм рано «отодвигать» на обочину культуры (Green, 2005).

Как полагает Дж. Аллен (Allen, 2000: 44), дискурс вбирает в себя исторические и социокультурные факторы, а язык репрезентирует их, объединяя контекст и предыдущие тексты культуры. Об авторских стратегиях см. (Iser, 1980). Следовательно, настройка читательской рецепции изначально должна быть адекватной (Есо, 1990).

Еще одна черта постмодернистской эстетики – выход за пределы собственной жанровой структуры, в том числе – путем создания сложнейшего по замыслу жанра метаромана. Рассмотрим в этом ракурсе роман А. Жаксылыкова «Поющие камни».

Результаты и обсуждение

Одна из отличительных черт постмодернистского художественного дискурса – жанровая гибридизация. Жанр как формула эстетически добытой истины неизменно проецирует вонне горизонт читательского ожидания. Однако в постмодернистском произведении он, как правило, утрачивает свои типологические и структурно-семантические черты. Так, романский цикл Аслана Жаксылыкова «Сны окаянных» обнаруживает метароманную структуру, которая вскрывается лишь в процессе прочтения цикла как единого метатекстового пространства.

Когда мы погружаемся в романное пространство «Поющих камней», мы в определенном смысле неподготовлены. Нарративные уровни пока еще не смещены; не состоялся тот аналептический сдвиг, который позволил бы нам говорить о переконструировании всей вещи в ее циклической спаянности, целостности как таковой. Мы наблюдаем за жизнью классического постмодернистского героя, который не может найти собственного места в мире. Казалось бы, это место у него уже есть. В системе классических социальных отношений, в парадигматике «нормального» он занимает статус человека, у которого все, на первый взгляд, хорошо. Он преподает в вузе, слышет блестящим интеллигентом, пишет стихи (налицо маркер творчески проявленной личности), дружит с успешными и состоявшимися друзьями. У него красивая молодая жена. Однако вскоре жизнь Жана начинает «распадаться». Мы обращаем внимание на имя главного героя и постепенно понимаем, что все события, которые с ним происходят, затрагивают не столько жизнь человека внешнего, сколько

внутреннюю экзистенцию. Жена, Айнур, – вечный мираж; она непостоянная и изменчива, как лунный свет. Арман, лучший друг – иллюзрен и фиктивен, как мираж, как мечта, которая влечет от истинных целей и потребностей. Когда Жан застаёт жену изменяющей ему с лучшим другом, прежняя жизнь рушится. В поисках избавления от невыразимой душевной боли Жан бежит в пустыню, чтобы отыскать легендарного Дусенабаксы. Вместо этого он попадает в рабство к старику-китайцу, где его ожидают долгие истязания на пути к долгому и трудному просветлению. Эта история возвращения личности – заметим, творческой личности! – к самой себе – прочтывается как самостоятельный роман ровно до тех пор, пока мы не продолжаем чтение цикла. Тогда мы делаем открытие, что роман «Поющие камни» был написан другим героем произведения – Журналистом. Таким образом, перед нами метароманная структура.

Мы определяем метароман не как аутентичный жанр, восходящий к пражанру романа (отметим, что в этом случае он должен иметь определенное количество инвариантов), но, скорее, как поджанр романа с потенциалом к саморефлексии. Исследователь В. Пьянкова определяет метароман как модус романа (Пьянкова, 2024; Бройтман, 2004).

Префиксоид «мета», с точки зрения этимологии, соответствует предлогу «о»; таким образом, метароман – это роман о романе.

В первом романе цикла А. Жаксылыкова мы знакомимся с героем, который наследует типологические черты постмодернистского субъекта. Это человек, «сотканный» из литературных цитат; его прошлое трагично; он способен к расширению сознания, однако зачастую это происходит под действием определенных внешних детерминант – аскезы, алкогольного опьянения и т.д. Погружаясь в символическое поле «Поющих камней», мы довольно быстро обнаруживаем, что Жан, главный герой произведения, не просто интеллигент, отказавшийся от привычной жизни. Он нечто большее в плане собственной субъектной структуры, которая принимает причудливые конфигурации на протяжении всего романного целого. Подобный принцип можно охарактеризовать как кластерный: герой и персонажи, которые его окружают, формируют особую «гроздь», их нельзя рассматривать обособленно. Жан – герой-маска. Это центральный образ кластера, его семиотическое ядро. Внутреннее наполнение имени, его форма апеллирует к идее о человеческой душе, главная задача на земле которой – «правда всего сущего»,

творческая деятельность. Жанр – имя-репрезентант души и залог ее главного предназначения – творческой деятельности. Он блестящий интеллигент, более того – он поэт, чьему таланту завидует Арман, «черный человек» и теневой аспект его собственной личности. Итак, творчество – ключевая задача героя, ради которой он и живет на земле.

На протяжении всей человеческой истории творчество и связанный с ним комплекс проблем трактовались по-разному. Так, в эпоху Античности творческая деятельность рассматривалась как достояние и способность человека к преобразованию действительности (в частности, посредством искусства) и как божественная энергия, направленная на сотворение Космоса из Хаоса. Так, согласно Платону, мир овеществляется в соответствии с тем, что способно быть познанным и не подлежит изменению. Этот эталон творения не является внешним для создателя, но служит его внутреннему созерцанию. Это созерцание и есть высший акт творения. Истинное знание в эпоху Античности воспринималось как созерцание неизменного и вечного бытия. При этом человеческая деятельность, в процессе которой создается что-то новое, воспринималась как нечто вторичное, так как человек, созерцая вечное, создает преходящее. Творческая способность человека понималась как «божественная одержимость».

В средневековой философии творчество рассматривалось в двух аспектах. Первый аспект – теистический. В его ракурсе Бог видится как личность, творящая мир в абсолютно свободной форме. Таким образом, само творчество есть экспликация бытия из небытия через проявление воли Бога. Блаженный Августин рассматривал творчество как проявление воли человека, а не его разума.

В соответствии со вторым аспектом, критерий истинно божественного творчества – его разумность. К этой тенденции склоняются многие представители средневековой схоластики. Для Фомы Аквинского божественность есть добро в абсолюте. В рамках средневековой философии любое человеческое творчество есть творчество истории. История, согласно этой концепции, есть перманентное творение мира.

Подлинное творчество обращено к Богу, а потому субъект творчества зачастую анонимен. Вот почему, как нам видится, происходит постепенная аннигиляция субъекта на протяжении последующего сюжета.

Способность к креативному мышлению – отличительная черта психически развитой лично-

сти; наиболее ярко она проявляется в детском возрасте, когда срабатывают механизмы мимики (подражания) и репродукции определенных процессов: ребенок воспроизводит объекты действительности на уровне рисунков, фигур и т.п., активно участвует в процессе словопроизводства, в частности, на уровне неологизации.

Тем не менее, не каждая личность квалифицируется как творческая.

Как правило, творческим называют человека, обладающего способностью к неординарному восприятию действительности и умением реагировать на нее нестандартно, за рамками шаблонных фреймов.

Оговоримся, что нестандартное восприятие – показатель не только творческих, но и психически нестабильных личностей. Однако наличие психических отклонений не препятствует проявлению творческих способностей (что многократно подтверждается на уровне эмпирических данных). Некоторые исследователи проводят корреляцию между гениальностью и безумием (Ч. Ламброзо, Д. Карлсон), однако верификации подобные гипотезы не получили.

Согласно наблюдениям гештальт-терапевтов, умственный склад творческой личности соответствует следующим критериям:

- нешаблонность, неограниченность восприятия;
- способность к активному продуцированию нового в противовес мимикрии;
- немеханистичность мышления;
- способность смотреть на ситуацию холистически.

Творческая личность обладает такими качествами, как

- оригинальность мышления, стремление к новаторству;
- семантическая гибкость, способность фиксировать нетипичные свойства и параметры объекта и применять их в нетрадиционном ключе;
- образно-адаптивная гибкость, то есть умение трансформировать восприятие объекта;
- семантическая спонтанная гибкость, то есть умение производить решения в ситуациях, не предполагающих конкретного вектора их реализации.
- способность поставить перед собой проблему;
- генерацию идей;
- гибкость в продуцировании идей;
- нестандартность в реакции на внешние стимулы;
- способность усовершенствовать исходный объект;

- аналитичность и синтетичность мышления. Творческой личности свойственны
- ориентация на индивидуальные стандарты, не зависящие от стандартов социальных групп;
- восприимчивость к новому, открытость ума;
- конструктивная акциональность в неопределенных ситуациях;
- развитое эстетическое чувство.

Креативный человек обладает особым статусом поисковой мотивации и чувствительностью к продуктам мыслительной деятельности. Мышление рассматривается как логический процесс, по отношению к которому креативность выступает побочным образованием.

Творческие люди способны также эффективно оперировать противоречивой информацией.

Все эти черты реализованы в главном герое «Поющих камней», однако поэтапно, шаг за шагом, они разрушаются, так как попадают в неблагоприятную «атмосферу», становятся невосприимчивыми. Жизнь героя расслаивается на внешнюю и внутреннюю. В то время как внешняя сторона жизни катится под откос, внутренняя продолжает трансформироваться благодаря тяжелой психологической работе. Жан попадает в услужение к старику-китайцу, день за днем совершается не только процесс его индивидуации, но и инициация. Все описанные нами типологические черты протагониста дают нам ощущение его структурированности и внутренней энтропии, представленных в антиномии. Но главное наблюдение заключается в том, что герой оказывается «маской» другого героя, Журналиста.

Именно Журналист является, как показывает нам последующая раскладка сюжета в книгах «Сны океанов» и «Другой океан», автором «Поющих камней» и, что еще более парадоксально, маской истинного автора – внеаходимого наблюдателя.

О типологических чертах метаромана стоит сказать отдельно. Это перспектива нашего исследования.

Заключение

Постмодернистская эстетика проявлена в романе А. Жаксылыкова «Поющие камни» не на всех уровнях. Казахстанская литература «шагнула» в постмодернистскую реальность, сохранив при этом генетическую связь с классической поэтикой, поэтикой не-осмеяния, традиционности, принадлежности родной культуре. Однако

отдельные типологические черты постмодернистского дискурса она привнесла в целый ряд произведений, в частности, в роман А. Жаксылыкова «Поющие камни». В частности, это проявлено в типологических чертах главного героя, который является во многом собирательным образом постмодернистской типажности: это фигура интеллигента, символизированная в коде «человеческая душа», главная задача которой – созидание, дарованное истинно творческой личности. Однако процесс созидания в данном случае сопряжен с идеей тотального внутреннего саморазрушения и социальной деградации. Благодаря этой антиномии фигура протагониста видится нам не просто типажной, но, скорее, сконструированной. Это объяснимо в последующих романах цикла, открывающих нам в пространство метатекста и метаромана.

Нарративная сложность романного пространства Жаксылыкова открывается перед читателем не сразу. Поначалу горизонт читательского ожидания оказывается «обманут» намеренным введением в заблуждение, потому что автобиоореконструктивная маска Жана как своеобразного кода Журналиста может быть раскрыта исключительно при одном условии: мы прочитываем весь цикл романов как единое синтагматическое целое, каждая часть которого является логически продолжающей предыдущую. В этом случае первый роман цикла по закону аналепсиса превращается в особое произведение, роман в романе, который был написан в свое время Журналистом и который способен с определенной долей вероятности раскрыть его личностные и индивидуально-психологические установки. Тем не менее, и Жан, и Журналист являются типичными представителями постмодернистского дискурса – это люди с изломами человеческой судьбы и расщепленным сознанием в поисках чего-то большего, чем способен предложить им современный социум. В поисках ответов на свои вопросы они выходят далеко за рамки предложенного и переживают схожий персональный опыт. Оба наделены чертами творческой личности и обоим, в конечном счете, предстоит нести ответственность за дарованную им творческую потенцию.

Исследование выполнено в рамках научного проекта ИРН АР19679652 «Русская проза Казахстана новейшего времени: ведущие тренды, жанрология, сюжетика, герой» грантового финансирования КН МНВО РК.

Литература

- Абишева О. Сквозь призму мифа // Простор. – 2016. – №3. – С. 39-45.
- Алтыбаева С.М. Фантастическое в новейшей казахской прозе: к вопросу новаторства и традиции // Известия НАН РК. Серия филологическая. – 2007 – №1. – С. 53-57.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – Москва: Издательский дом «ПОС-ТУМ», 2015. – 240 с.
- Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 540 с.
- Валикова О.А. Роман-трилогия А. Ж. Жаксылыкова «Сны океанных» в контексте русской литературы: дисс. ... докт. философии (PhD). Алматы, 2015. – 157 с.
- Валикова О.А., Бахтикиреева У.М. Роман А. Жаксылыкова «Поющие камни» в русле теории литературного домена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2019. – №4. Т. 24. – С. 633-648. doi: 10.22363/2312-9220-2019-24-4-633-648
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии // НК. – 2005. – № 2(92). – С. 183-187.
- Джундубаева А.А. Нарративные стратегии в постмодернистской прозе: дисс. ... докт. философии (PhD). Алматы, 2015. – 151 с.
- Лиде Г. Р. «Москва-Петушки» В. В. Ерофеева: на грани документального и художественного // Вестник ТГГПУ. – 2015. – №1(39). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskva-petushki-v-v-erofeeva-na-grani-dokumentalnogo-i-hudozhestvennogo> (Дата обращения: 21.01.2023).
- Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. – 317 с.
- Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000 г. – 347 с.
- Пьянкова В.И. Статус жанра романа и метаромана в аспекте новой литературной эстетики // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2024. – №2. Т. 21. – С. 365-371. doi: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-365-371
- Meskin V.A. Realism – Postmodernism in Russian literature yesterday and today // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. – 2014. – № 4. – P. 5-10.
- Allen G. Intertextuality. – London & New York: Routledge, 2000. – 238 p.
- Demeyer H., Vitse S. The affective dominant: Affective crisis and contemporary fiction. // Poetics Today. – 2021. – Vol. 42(4). – P. 541-574. doi:10.1215/03335372-9356851
- Eco U. The Limits of Interpretation. – Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1990. – 295 p.
- Green J. Late Postmodernism: American Fiction at the Millennium. – NY: Palgrave, 2005. – P. 1-246.
- Hutcheon L. *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. – New York: Routledge, 1988. – 567 p.
- Iser W. Interaction between Text and Reader // The Reader in the Text. – Princeton, New York: Princeton University Press, 1980. – P. 106-119.
- Sim S. The Routledge Companion to Postmodernism. – London: Routledge, 2011. – 352 p.
- Suleiman S. R. Naming and Difference: Reflections on Modernism vs. Postmodernism in Literature // Fokkema, Duuwe and Hans Bertens (eds.) *Approaching Postmodernism*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ.Comp., 1986. – 48 p.

References

- Abisheva, O. (2016). Skvoz' prizmu mifa [Through the prism of myth]. *Prostor*. Vol. 3. 39-45. (In Russian)
- Altybaeva, S.M. (2007). Fantasticheskoe v novejshej kazahskoj proze: k voprosu novatorstva i tradicii [The fantastic in the newest Kazakh prose: on the issue of innovation and tradition]. *Izvestija NAN RK. Serija filologicheskaja* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. The series is philological]. Vol.1, P. 53-57. (In Russian)
- Allen, G. (2000). *Intertextuality*. London and New York. Routledge.
- Bodriyyar, Zh. (2015). Simulyakry i simulyacii [Simulacra and simulations]. Moscow. Postum. (In Russian)
- Brojtmann, S.N. (2004). Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Moscow. Izdatel'skij centr "Akademiya". (In Russian)
- Delyoz, Zh., Gvatari, F. (2005). Traktat o nomadologii [Nomadology]. NK. Vol. 2 (92), P.183-187. (In Russian)
- Demeyer, H., Vitse, S. (2021). The affective dominant: Affective crisis and contemporary fiction. *Poetics Today*. Vol. 42(4), P. 541-574. <https://doi.org/10.1215/03335372-9356851>
- Dzhundubaeva, A.A. (2015). *Narrativnye strategii v postmodernistskoi proze* [Narrative strategies in postmodernist prose]. Diss. ... Doctor of Philosophy (PhD). Almaty. (In Russian)
- Eco, U. (1990). *The Limits of Interpretation*. Bloomington and Indianapolis. Indiana University Press.
- Green, J. (2005). *Late Postmodernism: American Fiction at the Millennium*. NY. Palgrave.
- Hutcheon, L. (1988). *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. New York. Routledge.
- Iser, W. (1980). *Interaction between Text and Reader*. In *The Reader in the Text*. Princeton, New York. Princeton University Press. P. 106-119.
- Leeds, G.R. (2015). Moscow – Petushki by V.V. Erofeev: on the verge of documentary and fiction [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskva-petushki-v-v-erofeeva-na-grani-dokumentalnogo-i-hudozhestvennogo> (Date of use: 01/21/2023)
- Lipoveckij, M.N. (1997). *Russkij postmodernizm (Oчерки istoricheskoi poetiki)* [Russian Postmodernism (Essays in historical poetics)]. Ekaterinburg. Ural. gos. ped. un-t. (In Russian)

- Mankovskaya, N.B. (2000). Estetika postmodernizma [Aesthetics of postmodernism]. St. Petersburg. Aleteyya. (In Russian)
- Meskin, V.A. (2014). Realism – Postmodernism in Russian literature yesterday and today. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. Vol.4, P. 5-10.
- Pyankova, V.I. (2024). Status janra romana i metaromana v aspekte novoi literaturnoi estetiki [The Genre of the Novel and the Meta-Novel in the Aspect of the New Literary Aesthetics]. Polilingvialnost' i transkul'turnye praktiki [Polylinguality and Transcultural Practices]. Vol.21, Iss. 2, P. 365-371. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-365-371> (In Russian)
- Sim, S. (2011). The Routledge Companion to Postmodernism. London. Routledge.
- Suleiman, S.R. (1986). Naming and Difference: Reflections on Modernism vs. Postmodernism in Literature In Fokkema, Duu-we and Hans Bertens (eds.) Approaching Postmodernism. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ.Comp.
- Valikova, O.A. (2015). Roman-trilogiya A.Zh. Zhaksylykova “Sny okayannyh” v kontekste russkoi literatury [A. Zhaksylykov’s novel-trilogy “Dreams of the Damned” in the context of Russian literature]. Diss. ... Doc. Philosophy (PhD), Almaty. (In Russian)
- Valikova, O.A., Bakhtikireeva, U.M. (2019). Roman A. Zhaksylykova “Poiushie kamni” v rusle teorii literaturnogo domena [A. Zhaksylykov’s novel “Singing Stones” in aspect of the literary domain theory]. Bulletin of the RUDN. Series: Literary Studies. Journalism. Vol. 24. N. 4. P. 633-648. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-633-648> (In Russian)

Сведения об авторах:

Нурмаганбет Карлыгаш (автор-корреспондент) – PhD докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан, e-mail: inyaz.kz@mail.ru);

Демченко Елена – PhD, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан, e-mail: alenchika@mail.ru);

Шанаев Русланбек – PhD, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан, e-mail: rus.shanaeff@gmail.com).

Information about authors:

Nurmaganbet Karlygash (corresponding author) – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: inyaz.kz@mail.ru);

Demchenko Alena – PhD, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: alenchika@mail.ru);

Shanayev Ruslanbek – PhD, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: rus.shanaeff@gmail.com).

Поступила: 21 июля 2024 г.

Принята: 29 августа 2024 г.